

СРЕДИ КНИГ

ИЗДАНО
В СССР

УРОКИ НАСЛЕДИЯ

Пьер Дэкс. Семь веков романа. Перевод с французского Я. Лесюка и Ю. Уварова. Стихи в переводе Я. Лесюка. Под редакцией и с предисловием Ю. Виппера. Комментарии, указатель имен и названий А. Д. Михайлова. Москва, Издательство иностранной литературы, 1962. 479 стр.

Книги иностранных историков, философов, литературоведов в переводе на русский язык — отнюдь не редкость у нас в последние годы. Как правило, они призваны заполнить «белые пятна» на карте наших знаний, дать представление о таких областях исторической и духовной жизни зарубежных народов, которые по тем или иным причинам оставались вне поля зрения советских ученых. Если называть лишь труды о путях отдельных национальных культур — таковы, скажем, вышедший совсем недавно сборник исследований испанского филолога Менендеса Пидалья или первые тома обширной «Истории американской мысли» Паррингтона.

«Семь веков романа» Пьера Дэкса — книга иного рода, и судьба ее у нас, очевидно, сложится иначе. За исключением этюдов о малоизвестных в нашей стране средневековых романах Кретьена де Труа и Антуана де Ла Салья, статьи Дэкса посвящены писателям, о творчестве которых существует немалая русская критическая литература: Рабле и Сорель, Корнель и Моль-

ер, Дидро и Филдинг, Мюссе, Гюго, Диккенс, Бальзак, Мартен дю Гар. Но даже в тех случаях, когда речь идет об авторах, о которых у нас пока писалось мало — Джоне Гее или Генрихе фон Клейсте, Дюма или создателях «черного» романа, — в очерках Дэкса нов и ценен не столько привлеченный к анализу материал, сколько самый ход анализирующей мысли, не факты (в общем, известные), а их толкование.

Нет нужды в кратком отзыве перечислять выводы, сделанные Дэксом в результате изучения им текстов: русское издание, привлекающее добротностью перевода, культурой оформления и основательностью научного аппарата, предваряет статья Ю. Б. Виппера, где дан подробный разбор каждой из вошедших в книгу работ, очерчена своеобразная манера, мастерство одаренного французского критика-публициста. Разбор этот, в котором «Семь веков романа» справедливо оценены как одно из свидетельств зрелости марксистского литературоведения во Франции, вдумчив, тщателен. Советский ученый аргументиро-

ванно оспаривает некоторые заключения Дэкса, и это помогает лучше понять пути, которыми идет марксистская эстетическая мысль в сегодняшней Франции. Вклад Дэкса в развитие отечественной критики, место его книги в острой идеологической борьбе определены в предисловии отчетливо.

Но, появившись на русском языке, книга Дэкса сразу же становится и заметным явлением нашей собственной литературной жизни, в полную силу участвует в незавершенных пока критических дискуссиях. Дэксу удалось очистить от предвзятых оценок и налета архаики немало художественных памятников средневековья и нового времени. Очерки французского литератора не только расширяют наши представления о ряде европейских писателей прошлого или, скажем, о состо-

янии литературоведческой науки у него на родине, но и побуждают вновь задуматься о вещах, считающихся бесспорными и очевидными.

Почтительное преклонение перед классиками стало непререкаемой заповедью нашей критики. Юбилейные статьи и предисловия принято заканчивать словами о нетленности наследия, об испытании временем, которое с честью выдержано, и об уроках, которые следует извлечь... В последние годы увидело свет немало работ, где эти слова обеспечены полновесным анализом. Однако не секрет, что нередко за привычными формулами кроется пестрейший разноречивый интерпретаций: от безудержной модернизации с помощью монтажа цитат до прилежного архаизирования, превращающего литературу прошлого в галерею скучных музейных экспонатов; от попыток объявить совершенно несущественным все исторически преходящее в произведении искусства до возведения исторически преходящего в некий абсолют, фетиш, отпугивающий «непосвященных». Уже само по себе это столкновение точек зрения — свидетельство того, что посмертная судьба писателей прошлого вовсе не завершилась, что она вливается в поток современной культуры в ее непрерывном становлении. И от духовной широты, гражданской зрелости литературоведа в немалой степени зависит, станет ли художественное наследие поистине спутником новых поколений или напрасно обременит их память, словно мертвый груз.

Сила Дэкса-критика — в умении прочесть книги, созданные много десятилетий и даже столетий назад, глазами человека, глубоко осмыслившего исторический, нравственный и литературный опыт XX века. Прочесть вдумчиво, бережно — и современно. Последнее вовсе не означает, что к повествованиям о куртуазной любви или к «комическим романам» XVII—XVIII веков попросту приложены эстетические критерии наших дней. Дэкс

с иронией пишет о людях, склонных относиться к писателям древности как к «скверным ученикам», которых надлежит укорять и вразумлять, ибо они всегда чего-то недопоняли, где-то недотянули и вообще заслуживают тройки: ведь на пятерку знает лишь небесный отец и еще господин учитель.

Наивным, хотя и небезопасным менторам-педантам, чье излюбленное занятие — выставлять далеким предшественникам отметки по шкале, принятой в нынешних литературных жюри и книгоиздательских фирмах, Дэкс противопоставляет последовательный историзм мышления, которое ищет разгадку творческих свершений художника в самой атмосфере его эпохи. Именно поэтому анализу становится доступной и «исполненное горделивой веры в человека» прославление всепобеждающей любви, присущее в XII веке Кретьену де Труа, и отходная средневековому рыцарству, вытесняемому крепко стоящим на земле простолюдином, — у Антуана де Ла-Салья, который жил пятьсот лет назад, и героико-патриотический пыл корнелевского «Сида».

Острота в восприятии живого прошлого позволяет Дэксу сохранять независимость от схем, сложившихся на рубеже XIX—XX веков и по сей день широко бытующих в академическом литературоведении как у нас, так и за рубежом. Привычка мыслить историю литературы в жестких рамках чисто логической классификации — барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, модернизм — с каждым годом выглядит все более анахроничной, поскольку исследователями ныне освоен огромный материал, явно сопротивляющийся распределению по этим ящичкам с изрядно затрепанными ярлыками. С одной стороны, стало очевидно, что многие крупные художники и даже целые эпохи в развитии искусства просто остаются за пределами этой классификации. С другой стороны, некоторые ее понятия, например, «критический

реализм», употребляются настолько расширительно, что практически едва ли возможно вообще обозначить их хронологические и эстетические границы.

Искусствознание встало перед выбором: либо по-прежнему умножать до бесконечности категории этой дедуктивной схематики, либо искать принципы иной научной системы, достаточно гибкой и способной охватить всю диалектику историко-литературного процесса. Именно из неудовлетворенности прежним положением дел и возникли наши теперешние дискуссии о реализме. Сколько-нибудь стройного представления о закономерностях истории искусства они пока не дали, но оказались в высшей степени плодотворными прежде всего как признание недостаточности, а бы даже сказал — кризиса традиционных построений и необходимости привести теоретическую мысль в соответствие с накопленными знаниями.

Совершенно независимо от наших споров о реализме, опираясь на труды таких материалистически мыслящих французских ученых, как медиевист Гюстав Коэн или знаток XVII века Антуан Адап, Дэкс ставит вопрос о подготовке «критической истории развития реализма в литературе». Его наблюдения над творчеством Сорея и Мольера, Прево и Гея, Филдинга и Дидро с очевидностью доказывают, что стихийно-реалистическое видение жизни в литературах Франции и Англии складывается задолго до XIX столетия, когда возникли первые манифесты реализма, да и самый этот термин. Знаменательно, что ход анализа у Дэкса в ряде случаев прямо перекликается со взглядами некоторых советских исследователей на писателей XVII—XVIII веков, и эта перекличка — дополнительное подтверждение правильности ведущих параллельно поисков.

Особенно же ценны для нас суждения французского критика о литературе средних веков: ведь здесь мы сплошь и рядом довольствуемся приблизительными и

устаревшими сведениями, так как ныне русская медиевистика, несмотря на блистательные традиции ее предшественников, пребывает на положении заброшенного дитяти. Этюды Дэкса посвящены куртуазному роману, который издавна, в отличие от городской литературы, считался едва ли не самым оторванным от жизни жанром, всецело призванным освятить сословно-иерархический строй и идеализировать нравы рыцарей-феодалов. Критик последовательно развенчивает этот предрассудок. Под оболочкой мифа, заимствованного средневековыми авторами из античности, он безошибочно распознает «своеобразный реванш человека над богами былых времен»; в рассказе о необычайных приключениях рыцарей, давших обет служения даме сердца, — правду художественного постижения мира, представшего взору далеких предтеч зрелого искусства романа; рядом со сказочной фантастикой и пространными изложениями кодекса рыцарской чести — трезвый анализ сдвигов, меняющих облик общества, и зарисовки прозаической изнанки повседневной жизни, в которых, словно с натуры, запечатлена судьба трудового люда. Опровергая кривотолки о средневековье как о «беспросветной ночи», когда наши предки будто бы только и делали, что... «испытывали ужас перед непознаваемым миром», Дэкс прослеживает зарождение у писателей XII или XV веков веры в могущество человеческого разума, которому под силу постичь и таинственную логику любовной страсти, и социальную природу поступков соотечественников.

Спор этот для Дэкса при всей научной обстоятельности аргументации — отнюдь не обычная академическая полемика. Работы, вошедшие в книгу, принадлежат к тому виду критических эссе, которым зачастую дают заголовок «Уроки...». Это не значит, что критик хоть в малейшей мере поступает истиной, используя прошлое лишь в каче-

стве предлога для иносказания о настоящем, как это порой случается. У Дэкса «урок» вытекает из самой логики прошлого, но не застывшей и вневременной, а подвергшейся критической проверке историей.

Блестящий образец такого творческого подхода к наследию — помещенные в приложение к книге «Размышления о методе Роже Мартен дю Гара». Работа насыщена полемикой с разного рода лжетолкователями «Семьи Тибо», пытающимися представить ее создателя то запоздалым эпигоном натуралистической прозы прошлого века, то неким провозвестником откровений в духе экзистенциализма. Но, восстанавливая подлинный ход мысли Мартен дю Гара, логику романа, «вводящего нас в историю человечества», критик не стремится канонизировать, превратить в неизменные житейские рецепты откровения, которые Жак и Антуан Тибо выстрадали ценой блужданий, ошибок, разбитых иллюзий, прозрений на краю гибели. Искать в повествовании об ушедшем поколении умозрительные советы, как «должен вести себя человек, решая абстрактные проблемы человеческой совести», — занятие праздное; насущная злободневность произведения в ином — в том, что оно «приводит нас к проблеме нашего собственного предназначения», побуждает открыто взглянуть в лицо изменившемуся миру и самостоятельно сделать выбор своей судьбы. «Урок, который извлечет читатель из этих образов, зависит и от него самого, и от истории, которая продолжает развиваться», — убежден Дэкс. И под его пером размышления о Мартен дю Гаре выливаются в размышления о пути, пройденном Францией и всем миром с тех пор, как обрвалась жизнь братьев Тибо, о долге сменивших их поколений и смысле событий последнего пятидесятилетия, об иллюзорности упований на заповеди отвлеченного пацифизма и праве на революционное преобразование

общества, порождающего безумие войн.

Воспоминания о пережитом в фашистских концлагерях, факты текущей политической жизни, опыт освободительных движений современности, декларации идеологов, претендующих на роль пророков «западной цивилизации», творчество зрелых и начинающих писателей — словом, все, над чем настойчиво бьется французская мысль середины XX века, привлечено в статье к анализу «Семьи Тибо». Без этих сопоставлений и отступлений статья эта, вероятно, оказалась бы добротным и по-своему полезным литературоведческимopusом, но никогда не выросла бы в страстное выступление мыслителя-публициста, для которого помочь современнику правильно разобраться в книге — значит протянуть от нее нити к его сегодняшней борьбе.

«Семь веков романа» с несомненным успехом содействуют тому «уточнению метода материалистической критики», о необходимости которого справедливо говорит Дэкс в послесловии к книге. Источник этого успеха в том, что для него наследие — не кладовая, где по полочкам разложены аналоги, пригодные на все случаи жизни, но воссозданный в слове писателей духовный поиск народа, постигающего себя и окружающий мир, чтобы переделать жизнь «по законам счастья». У потомков нет лучшей школы национального самосознания, ибо «как нам понять нашу нацию, не зная истории ее происхождения! Не зная, как она постепенно мужала, не зная идей ее выдающихся представителей, не зная, что думали о себе сменявшие друг друга поколения наших предков?». Так понятие прошлое, оставаясь пройденным и уже никогда не повторимым отрезком истории, поистине созвучно сегодняшнему дню — там его корни, его колыбель.

С. ВЕЛИКОВСКИЙ

СРЕДИ КНИГ